

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (1945—1964 гг.) В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

А. В. Трофимов

Статья посвящена рассмотрению существующих в историографии подходов, позволяющих выявить мировоззренческие ориентиры, «следы прошлого», оставленные советским социумом. Анализируется научное содержание понятий «экономические представления» и «модели поведения» населения в контексте уральского региона (1945—1964 гг.). Выделяется несколько подходов и направлений, в русле которых осмысливаются некоторые аспекты содержания и эволюции суждений и стратегий поведения жителей Урала в позднесталинский и хрущевский периоды. Высказаны предложения по дальнейшим перспективам исследования данной проблематики. Акцентируется внимание на необходимость комплексного изучения документов личного происхождения.

Ключевые слова: экономические представления, модели поведения, уральское население, историография.

Изучение мировоззренческих ориентиров, «следов прошлого», оставленных советским социумом, подводит исследователей к сфере экономических представлений и моделей поведения населения. Под «экономическими представлениями», как правило, понимается комплекс субъективных психологических установок, включающий отношение граждан к собственности, богатству, бедности, труду и другим экономическим категориям, а также определяющих специфику личного выбора в сфере потребления. В свою очередь под «экономическими стратегиями» или «экономическими моделями поведения» понимается деятельность граждан, являющаяся следствием рационального выбора, обусловленного состоянием экономического сознания, ценностями, традициями и социальными стереотипами индивидов и групп, реализуемая в социально-экономической сфере (системе экономических и социальных институтов, практиках повседневной деятельности). Ретроспективное изучение сферы экономических представлений и моделей поведения населения в первые два послевоенных десятилетия предоставляет возможность сформировать целостное представление об эффективности реализации советской социально-экономической политики, восприимчивости и «обживании» ее результатов населением страны и уральского региона.

В советской историографической традиции проблематика экономических представлений и моделей поведения населения находилась на периферии научного поиска, что объяснялось спецификой господствующей методологии, ориентированной на изучение объективных явлений действительности, ситуации устойчивости и стабильности. В результате советская социальная история представляла собой либо историю государственных социальных институтов, организаций, либо ретроспективное исследование социальной политики. В данном контексте население фактически рассматривалось как «объект» социальной и экономической политики,

принимая «субъектные» черты в ракурсе позитивной трудовой деятельности. Вместе с тем, в советской историографии был накоплен существенный эмпирический материал, отражающий, преимущественно количественное измерение проблематики экономических стратегий граждан (объемы доходов, промышленного и продовольственного потребления различных категорий советского социума). Изучались также экономические суждения и потребительские стратегии советских людей выявлялись трансформации психосоциальных характеристик советского потребителя, произошедшие в период со второй половины 1940-х — до конца 1980-х гг.: от преобладания в общественном сознании граждан рациональных моделей потребления и осуждения потребительских девиаций, до легитимации материального благосостояния как цели социальной и профессиональной реализации, а также ориентации на индивидуализацию и престижность потребления [18, с. 111]. В качестве причин произошедших метаморфоз, назывался общий рост уровня жизни советских граждан, сопровождавшийся повышением объема и качества потребляемых товаров и услуг (несмотря на усиливающийся товарный дефицит), а также снижение идеологического контроля государства.

В современном историческом дискурсе изучение проблематики экономических суждений и моделей поведения населения Урала в 1945—1964 гг. ведется в русле различных концептуальных подходов и направлений.

Экономические представления и модели поведения населения уральского населения в 1945—1964 гг. помещаются в контекст модернизационных процессов, вектор которых — превращение традиционного, аграрного общества в индустриальное, городское [15]. Происходившие в 1940—1960-е гг. на Урале урбанизация, аграрный и демографический переходы, расширение региональной составляющей советского оборонно-промышленного комплекса и т. д. — определяли и коррелировали экономические представления и модели поведения жителей региона.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-66006).

В русле исследования пределов, возможностей и результатов советской модели мобилизационного типа развития и «мобилизационной экономики» [13; 14], отмечается, что мобилизационные стратегии имели определенный потенциал роста эффективности и производительности труда, однако, в исторической перспективе — не содержали в себе потенциала саморазвития. Коррективы, внесенные преемниками Сталина в мобилизационную модель развития, способствовали росту предприимчивости, инициативности, порой переходящих в пограничные или запрещенные советским законодательством формы экономического поведения (спекуляция, тунеядство и т. п.).

Обращение на региональном уровне к проблемам трансформации административно-директивной экономики в экономику согласования, в которой отношения между субъектами управления представляли собой не только отношения подчиненности, но и отношения обмена, предполагавшие действие принципа обратной связи. Смена моделей поведения управленческого корпуса в годы «хрущевских» реформ рассматриваются в контексте научно-технического прогресса и региональных особенностей управленческих реорганизаций середины 1950-х — 1960-х гг. [1; 2; 7].

Исследования, характеризующие экономические представления граждан об уровне материального благосостояния, практике «самообеспечения», «стандартах» потребления, качестве жизни уральского населения в 1945—1964-е гг. [6; 9; 11; 17].

Существовавшие в советской экономической модели дефекты и изъяны, сказывавшиеся на уровне и качестве жизни населения рассматриваются через неформальные социальные практики и «теневую экономику» (незарегистрированная хозяйственная деятельность с использованием государственных производственных ресурсов, технологические, финансовые, экологические нарушения официальных норм в целях личного и группового обогащения, взяточничество, искажения отчетной информации в интересах предприятий и ведомств, «криминальная экономика» (наркобизнес, проституция, спекуляция, ростовщичество, торговля краденым и т. п.), личное подсобное хозяйство). Исследователи отметили, что, резкий рост спроса на спекулятивные товары послужил импульсом для организации в 1940—1960-е гг. подпольными предпринимателями («цеховиками») их нелегальных производств с использованием государственного имущества, а в результате прихода к власти Н. С. Хрущева, отказавшегося от крайних методов авторитарного правления, в стране стало зримо проявляться такое социальное явление, как жажда наживы, ранее явно не выраженное, а порой и сознательно заглушаемое. Использование различных путей, способствующих личному обогащению, было в эпоху Хрущева вызовом советской системе, утверждавшей идеи равенства, уравнительности, стоицизма и отвергалось большей частью населения, не попавшей в номенклатурную обойму [19].

Реконструкции социокультурных практик, существовавших в 1950—1960-е гг., выполненные уральскими исследователями в жанре истории повседневности и микроистории [8; 12]. Они по-

казали, как появившиеся в конце 1940-х — начале 1950-х гг. ферменты разложения, в последующее, послесталинское десятилетие вызывают к жизни разрушительные процессы, в частности, глухое недовольство всем и всяческим начальством со стороны городских и сельских низов, и даже лучшее качество жизни, обеспеченное для жителей закрытых уральских городов (ЗАТО) не стало залогом однозначно положительного отношения населения к существующей власти. А. А. Мордасов [16] отметил, что на Южном Урале в период «хрущевской оттепели» появились новые праздничные формы: посвящение в рабочий класс, хлеборобы; чествования героев пятилеток, трудовых династий; конкурсы по профессиям; слеты передовиков производства, наставников молодежи; трудовые вахты, ударные недели, месячники, красные субботники и воскресники; декады «Наука — производству», слеты рационализаторов и изобретателей, праздники первой зарплаты, проводы на пенсию.

Исследователи региональной уральской идентичности [5] отмечают, что ее определяющим концептом была миссия служения России, обусловившая формирование «уральского характера», т. е. ценностно-поведенческого комплекса, определяющего установки и поведение значительной части уральского населения, ставшего генетически и культурно-исторически выработанным феноменом, закрепленным поколениями людей в условиях специфической среды. «Уральцу» присущи: невозможное спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни; сдержанность, доходящая до суровости; выносливость; общинная взаимовыручка и взаимопомощь, «чувство локтя» и коллективизм; трудолюбие; религиозное «нестяжательство»; особая приверженность старине и традициям, консервативность взглядов; характерная сметливость, решительность, способность к самостоятельным решениям; свободолюбие; готовность к трудовому подвигу; патриотизм, «оборонное сознание»; осмысление благополучия своей судьбы только в контексте благополучия Родины и т. д. Уральцами в середине XX века были потомки рабочих и мастеров, в том числе многочисленные трудовые династии, чьи корни уходили во времена промышленного освоения Урала в XVIII—XIX столетия, и те, кто начал свои трудовые биографии в годы индустриализации 1930-х гг., а также был эвакуирован вместе с сотнями промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны и остался на Урале после ее окончания. Являясь регионом повышенной концентрации лагерных систем, Урал испытал все негативные последствия карательной политики государства. Лагеря Западного и Среднего Урала, служившие не только формой наказания, но ставшие образом жизни, оказали существенное влияние на все стороны общественного бытия края. Урал — место ссылки и эвакуации, что во многом определило своеобразие его этоса [10, с. 94—114]. Географическая эвакуация: Ленинград, Прибалтика, Украина, Москва способствовала привнесению западных, европейских элементов, включая профессиональные дискурсы и модели поведения. После войны Урал был определен и как место возвращения западной

Исторические науки

и восточной эмиграции (Шанхай, Харбин), которая сохранила русскую культуру, но с явственной экзотической прививкой. К 1950-м гг. Урал превратился в своеобразный «этнический котел», что не могло не сказаться на экономических представлениях и моделях поведения населения.

В целом, отметим отсутствие комплексных исследований проблематики экономических суждений и стратегий советских граждан на региональном уровне, с использованием междисциплинарных методов. Перспективными направлениями для дальнейших исследований представляются: изучение взаимообусловленности уровня жизни населения и выбора моделей экономического поведения; стереотипов и культуры потребления населения города и деревни; экономических взглядов и стратегий поведения различных категорий граждан (рабочих, служащих, интеллигенции, крестьянства); гендерные особенности.

Источниковую основу исследований, как правило, составляют статистические материалы и данные бюджетных обследований. Источники личного происхождения (письма, жалобы, дневники) используются, в основном, в качестве иллюстративного материала, отсутствует их системный анализ. При таком подходе исследователи могут реконструировать спектр оценочных суждений и стратегий поведения, но без выявления их доминантных проявлений и эволюционной динамики. Тогда как, письма, обращения, жалобы населения в органы власти и управления, хранящиеся в архивах уральского региона, помимо событийного контекста, содержат и другие значимые аспекты. В частности, о том, как повествует о событии агент, как через текст он воспроизводит ценностные ориентиры и поведенческие модели, как раскрываются посредством рассказа его представления об идеальном и желаемом, нужном и должном, нарушениях и правилах, субъективные суждения о плохих и хороших поступках в различных оценочных системах: «по правде», «по закону», «по-советски», «по-людски» и т. п.

Для детальной реконструкции пространства повседневных деятельностных стратегий и суждений уральцев, интерес представляют такие виды архивных документов, как: отчеты руководителей региональных партийных организаций об общественных настроениях в регионе, ходе реализации той или иной кампании (государственного займа, денежной реформы), материалы следственных органов и прокуратуры по экономическим преступлениям, результаты проверок на предприятиях общественного питания и в торговой сети, материалы органов партийно-государственного и народного контроля и др.

Литература и источники

1. Буданов, А. В. Военно-мобилизационная работа на предприятиях Челябинского совнархоза в 1957—1962 гг. / А. В. Буданов // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов Всерос. науч. конф. — Челябинск, 2009. — С. 168—174.

2. Веденеев, О. А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1956—1987) / О. А. Веденеев. — М. : Наука, 1990. — 256 с.

3. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 624 с.

4. Губарев, В. С. Секретные академик / В. С. Губарев. — М. : Алгоритм, 2008. — 384 с.

5. Казакова, Г. М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения / Г. М. Казакова. — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 254 с.

6. Клинова, М. А. Отражение нормативных стратегий потребления в советском модном дискурсе 1950—1960-х гг. / М. А. Клинова // Человек в российской повседневности: история и современность : сб. ст. III Международной науч.-практ. конф. Пенза. Март 2014. — Пенза, 2014. — С. 62—66.

7. Лебедев, В. Э. Научно-техническая политика советского общества во второй половине 1950-х — середине 1980-х гг. (региональный аспект) / В. Э. Лебедев. — Екатеринбург, 1992.

8. Лейбович, О. Н. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции / О. Н. Лейбович. — М. : РОССПЭН, 2008. — 296 с.

9. Леонтьева, Е. А. Социальная политика на Южном Урале в период правления Н. С. Хрущева (1953—1964 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Леонтьева. — Казань, 2013.

10. Литературная жизнь Урала XX века: литературоведческая концепция музейной экспозиции. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. — 152 с.

11. Мамяченков, В. Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих в 1953—1964 гг.: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование / В. Н. Мамяченков. — Екатеринбург, 2010. — 253 с.

12. Мельникова, Н. В. Атомный проект: власть в повседневной жизни закрытого города / Н. В. Мельникова // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. — Екатеринбург, 2008. — С. 203—224.

13. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов Всерос. науч. конф. — Челябинск : Энциклопедия, 2009. — 571 с.

14. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов II Всерос. науч. конф. — Челябинск : Энциклопедия, 2012. — 662 с.

15. Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу : сб. ст. / отв. редактор В. В. Алексеев. — Екатеринбург : ИздатНаукаСервис, 2011. — 176 с.

16. Мордасов, А. А. Праздничная культура Южного Урала в период «хрущевской оттепели» / А. А. Мордасов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. — 2007. — № 1 (11). — С. 73—85.

17. Рясков С. А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала / С. А. Рясков. — Екатеринбург : Полиграф, 2004.

18. Трофимов, А. В. «Советский потребитель» в отечественном гуманитарном дискурсе 1950—1980-х годов / А. В. Трофимов, М. А. Клинова // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2014. — № 4. — С. 107—113.

19. Хазиев, Р. А. Будни зазеркалья социалистической экономики хрущевских времен / Р. А. Хазиев // Вестник Башкирского университета. — 2011. — Т. 16. — № 3. — С. 874—881.

Поступила в редакцию 16 февраля 2016 г.

ТРОФИМОВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор, кафедра общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет. Окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького (1980), аспирантуру УрГУ (1987). Автор более 200 работ, в том числе 8 монографий. Научные интересы: историография, методология истории, история России и Урала XX века. E-mail: 2519612@rambler.ru

Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 2, pp. 64—68

DOI: 10.14529/ssh160210

ECONOMIC REPRESENTATIONS AND BEHAVIOR MODELS OF THE URAL POPULATION (1945—1964) IN THE HISTORICAL DISCOURSE

*A. V. Trofimov, Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russian Federation,
2519612@rambler.ru*

The article is devoted to consideration of the approaches existing in a historiography allowing to reveal world outlook reference points, “past traces” left the Soviet society. The scientific content of the concepts “economic representations” and “behavior models” of the population in the context of the Ural region (1945—1964) is analyzed. Some directions in line with which some aspects of the contents and evolution of judgments and strategy of behavior of inhabitants of the Urals during the late Stalin and Khrushchev’s periods are comprehended are allocated. Offers on further prospects are stated to researches of this perspective. The attention to need of complex studying of documents of a personal origin is focused.

Keywords: economic representations, behavior models, Ural population, historiography.

References

1. Budanov A.V. Military and mobilization work at the enterprises of the Chelyabinsk economic council in 1957-1962 [Voenno-mobilizatsionnaya rabota na predpriyatiyah Cheljabinskogo sovnarhoza v 1957-1962 gg.] // Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the XX century: collection of materials All-Russian nauchnoq conferences. Chelyabinsk, 2009, pp. 168-174.
2. Vedeneyev O. A. Organizational reforms of public administration by the industry in the USSR: historical and legal research (1956 — 1987) [Organizatsionnye reformy gosudarstvennogo upravleniya promyshlennost’ju v SSSR: istoriko-pravovoe issledovanie (1956—1987)]. M, Science, 1990. 256 p.
3. Grushin B. A. Four lives of Russia in a mirror of polls. Khrushchev’s era. [Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Jepoha Hrushheva.] M: “Progress-Tradition”, 2001. 624 p.
4. Gubarev V. S. Confidential academicians [Sekretnye akademiki]. M: The algorithm, 2008. 384 p.
5. Kazakova, G. M. Kultur of South Ural: local option of regional measurement [Kul’tura Juzhnogo Urala: lokal’nyj variant regional’nogo izmereniya.]. SPb.: WPC them. A. I. Herzen, 2007. 254 p.
6. Klinova M. A. Reflection of standard strategy of consumption in the Soviet fashionable discourse of the 1950th — the 1960th//People in the Russian daily occurrence: history and present. [Otrazhenie normativnykh strategij potrebleniya v sovetskom modnom diskurse 1950-h — 1960-h gg.] VII International scientific and practical conference. Collection of articles. March, 2014. Penza, pp. 62-66.
7. Lebedev V. E. Scientific-technical policy of the Soviet society in the second half of the 1950s to mid-1980s (regional aspect) [Nauchno-tehnicheskaja politika sovetskogo obshhestva vo vtoroj polovine 1950-h - seredine 1980-h gg. (regional’nyj aspekt)]. Ekaterinburg, 1992.
8. Leybovich O. N. In the city of M. Sketches of social daily occurrence of the Soviet province [V gorode M. Ocherki social’noj povsednevnosti sovetskoj provincii.]. M: ROSSPEN, 2008. 256 p.
9. Leontyeva E. A. Social policy in South Ural in the period of N. S. Khrushchev’s board (1953-1964) [Social’naja politika na Juzhnom Urale v period pravleniya N.S. Hrushheva (1953-1964 gg.)]. Dissertation of candidate of historical Sciences, 2013.
10. Klinova M. A. Reflection of the Urals of the XX century: literary concept of a museum exposition [Literaturnaja zhizn’ Urala HH veka: literaturovedcheskaja koncepcija muzejnoj jekspozicii.]. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2008. 152 p.
11. Mamyachenkov V. N. Material living conditions of families of industrial workers in 1953-1964: from Stalin to Brezhnev: historical and economic research [Material’nye uslovija zhizni semej promyshlennykh rabochih v 1953—1964 gg.: ot Stalina do Brezhneva : istoriko-jekonomicheskoe issledovanie.]. Yekaterinburg, 2010. 253 p.
12. Melnikova N. V. Nuclear project: the power in everyday life of the closed city [Atomnyj proekt: vlast’ v povsednevnoj zhizni zakrytogo goroda] // The State and the people in the conditions of socialist experiment: experience of the retrospective analysis [Gosudarstvo i narod v usloviyah socialisticheskogo jeksperimenta: opyt retrospektivnogo analiza]. Yekaterinburg, 2008, pp. 203-224.
13. Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the XX century: collection of materials of the All-Russian scientific conference [Mobilizatsionnaja model’ jekonomiki: istoricheskij opyt Rossii HH veka: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii]. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2009. 571 p.

Исторические науки

14. Mobilization model of economy: historical experience of Russia of the XX century: collection of materials II of the All-Russian scientific conference [Mobilizaciennaja model' jekonomiki: istoričeskij opyt Rossii HH veka: sbornik materialov II Vserossijskoj nauchnoj konferencii.]. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2012. 662 p.

15. Modernization in a civilization context: the Russian experience of transition from traditional to modern society [Modernizacija v civilizacionnom kontekste: rossijskij opyt perehoda ot tradicionnogo k sovremennomu obshhestvu] / Yekaterinburg: Izdat Science Service, 2011. 152 p.

16. Mordasov A.A. Festive culture of South Ural in the period of “Khrushchev’s thaw” [Prazdnichnaja kul'tura Juzhnogo Urala v period «hrushhevskoj ottepeli»] // The Bulletin of the Chelyabinsk state academy of culture and art. 2007. No. 1 (11), pp. 73-85.

17. Ryaskov S. A. A life support system of the closed cities of the Urals [Sistema zhizneobespechenija zakrytyh gorodov Urala]. Yekaterinburg: Polygraph, 2004.

18. Trofimov A.V., Klinova M. A. “The Soviet consumer” in a domestic humanitarian discourse of the 1950-1980th years// News of the Ural state economic university [«Sovetskij potrebitel'» v otechestvennom gumanitarnom diskurse 1950-1980-h godov]. 2014. No. 4, pp. 107-113.

19. Haziyeu R. A. Everyday life of a world behind the looking-glass of socialist economy of Khrushchev’s times//Bulletin of the Bashkir university [Budni zazerkal'ja socialističeskoj jekonomiki hrushhevskih vremen]. 2011. T. 16. No. 3, pp. 874-881.

Received February 16, 2016